

Ирина Ильинична Петрова — кандидат технических наук, автор многих научных трудов по проблемам новых материалов для электронной техники. В последнее время занимается вопросами отражения Крымской тематики в российской словесности. Автор-составитель книг «По Крыму - Пушкину вослед» (1996), «Вся просвещенная Россия сто лет жила под каплей звон Бахчисарайского фонтана» (2000), «Крымская война сквозь призму поэзии» (2001), «Мне только память о тебе - наследство»(2001), а также очерков и рассказов. Автор ряда публикации в газетах «Миниатюра» и «Слава Севастополя». Автор книги о многочисленных горных путешествиях «Петровские тропы» (2002).

Родилась в Севастополе, проживает в Санкт-Петербурге.

Ирина Петрова

«ТАМ... ЖДАЛА МЕНЯ
ОТЦОВСКАЯ МОЛОДОСТЬ...»

Первая встреча с Крымом и Севастополем
Ивана Алексеевича Бунина

Санкт-Петербург
2001

ПРИМЕЧАНИЯ

Ирина Петрова.

"Там... ждала меня отцовская молодость..."

Первая встреча с Крымом и Севастополем Ивана
Алексеевича Бунина - СПб., 2001. - 16 с.

В предлагаемом очерке сделана попытка дать живую картину пребывания в Севастополе девятнадцатилетнего Ивана Бунина, ставшего впоследствии одним из самых известных русских писателей первой половины XX века, лауреатом Нобелевской премии по литературе (1933). Воспроизведен цикл его юношеских стихов "В Крыму. Отрывки из дневника", написанный в 1889 году, опубликованный лишь в первом сборнике его стихов, вышедшем в Орле в 1891 году и ныне в собрание его сочинений не входящий.

Издание осуществлено за счет средств автора.
Редактирование и компьютерная верстка —
Василий Петров.

Отзывы и предложения просьба направлять по адресам:
vnptr@mail.ru или iipetrova@narod.ru

© Петрова И.И., 2001

1. Прототипом Николая Сергеевича является, по всей видимости, Яков Иванович Бунин (рожд. 1837 г.), принимавший участие в Обороне Севастополя юнкером, отличившийся в битве на 3 бастионе в день последнего штурма. В дни молодости И. Бунина он имел чин полковника, в 1902 г. при выходе в отставку, получил чин генерал-майора. ("Севастопольцы. Сборник портретов участников 349-дневной обороны Севастополя". Сост. П.Рерберг. Вып.3, СПб., 1907.)
2. Тексты писем приводятся по книге А.Бабореко "И.А.Бунин. Материалы к биографии". М., 1967.
3. Памятник П.С.Нахимову был открыт в 1898 году.
4. Когда через несколько лет Бунин побывал у Л.Н.Толстого в Москве, тот при его представлении вспомнил: "Бунин? Это с вашим батюшкой я встречался в Крыму?.." (И.Бунин. "Освобождение Толстого").
5. Ив. Бунин. "Под открытым небом. Стихотворения", М., 1998.
6. "Крым в русской поэзии", составитель А.Маркевич, Симферополь, 1902.
7. Вероятно, это станция "Чатал-кая", что стояла на 21-й версте от города.
8. Это стихотворение в измененной редакции и под названием "В Крыму" помещено в сборнике "Под открытым небом".
9. Здесь Бунин говорит о пирамидальных тополях.
10. Два первых стихотворения цикла приведены (без указания источника) в антологии "Крым. Поэтический атлас" / Сост. А.Рудяков, В.Казарин. - Симферополь: Таврия, 1989, С.65.
11. В антологии А.Маркевича дана другая редакция этого стихотворения.

IV

У Байдар, на прибрежной скале,
С тихой думой и грустью во взоре,
Я сидел и глядел, как во мгле
Утопало туманное море.

Я глядел, как внизу подомной,
Далеко от побережья во мраке,
Чуть мерцающей, тусклой звездой
Засветил огонек на маяке.

И дождался прибоя... Пока
Возрастал его шум отдаленный
Охватил меня страх - и тоска
Завладела душою смущенной...

Но потом из-за темных зыбей
Свежий ветер поплыл над волнами;
Стал прибой величавей, ровней,
Стал торжественней шум под скалами.

И в душе необъятной волной
Разрослось чувство свободы,
Словно ближе стал чутый душой
Я величье и тайны природы.

И всю ночь на пустынной скале
Я сидел, вдохновенно-безмолвный,
И внимал, как глубоко во мгле
Пели темные, шумные волны.¹¹

Известно, какое огромное значение в жизни замечательного писателя и поэта Ивана Алексеевича Бунина занимал Крым в 90-х годах прошлого века и в первое пятилетие века нынешнего. Почти в каждой поездке в Ялту его путь лежал через Севастополь. Но был в его жизни особый год, о котором он не забывал никогда. Это - первая поездка в Крым, первое посещение Севастополя, - города, о котором слышал и мечтал с детства, где прошла «*молодость отца*». Это произошло весной 1889 года. Позднее он опишет впечатления, связанные с этой поездкой во многих произведениях: в романе «Жизнь Арсеньева», в «Автобиографической заметке», в эссе и рассказах. И всё же многое в этом путешествии (маршрут, душевное самочувствие юноши, впервые уехавшего далеко от всех родных, как тогда говорили, без гроша в кармане) осталось «за кадром». Попробуем «побывать» в Севастополе вместе с 19-летним Ваней, сыном и племянником защитников города в 1854-55 годах.

Итак, о Севастополе у него «еще в детстве составилось самое поэтическое представление благодаря рассказам отца» («Автобиографическая заметка»). А вот как представлено жившее в нем «с младенчества» «видение отцовской молодости» в романе «Жизнь Арсеньева»:

...Это был какой-то бесконечно- давний светлый осенний день. В этом дне было что-то очень грустное, но и бесконечно счастливое. Было что-то, что связывалось с моим смутным представлением дней Крымской войны: какие-то редуты, какие-то-то штурмы, какие-то солдаты того особенного времени,.. и смерть на Малаховом кургане дяди Николая Сергеевича, великана и красавца полковника¹... А главное - был в этом дне какой-то пустынный и светлый приморский холм, а на этом холме, среди камней, какие-то белые цветы вроде подснежников, что росли на нем только

потому, разумеется, что еще в младенчестве слышал я как-то зимой слова отца:

— А мы, бывало, в Крыму, в это время цветочки рвали в одних мундирчиках!

Как пишет дальше писатель, ехал он в Крым из Харькова, где проживал у брата, в общем вагоне по бесплатному билету «под чужим именем», «в тесноте и мерзости», но это не помешало ему прочувствовать «дивную свежесть и ясность» степного воздуха первого дорожного утра. «Еще удивительней» был второй рассвет, видимо, у станции Дуванкой (Верхне-Садовое), вслед за которым перед юношей возникло «что-то тяжело-синее, почти черное, влажно-мглистое», которое он «с ужасом и радостью узнал... вспомнил»!

Это произошло, как следует из его письма к родным, 13 апреля 1889 года. В тот же день он осмотрел только что отстроенный после четвертьвекового прозябания в руинах город, который поначалу ему «не особенно понравился, так как почти совершенно лишен зелени»². Спустя почти полвека в «Жизни Арсеньева» он даст при описании первой встречи своего героя с Севастополем образ города конца века, когда уже разрослись посаженные в начале 80-х деревья преимущественно акации на улицах, когда на площади появился памятник адмиралу Нахимову, и весь город приобрел праздничный вид:

Севастополь же показался мне чуть не тропическим. Какой роскошный вокзал, весь насквозь нагретый нежным воздухом! Как горячи, как блестят рельсы перед ним! Небо от зноя даже бледное, серое, но и в этом роскошь, счастье, юг...

Но где же было то, за чем как будто ехал я? Не оказалось в Севастополе ни разбитых пушками домов, ни тишины, ни запустения, ничего от дней отца... Город уже давным-давно жил без них, вновь отстроенный, белый нарядный и жаркий, с

Смутно выступает
Силуэт мечети,
И толпы душистых,
Стройных кипарисов
На бульварах дремлют,
Словно их чарует
Сумрак южной ночи,
Душный и немой...

Только мне всё это
Чуждо, не знакомо;
Каждый день невольно
Ухожу на берег
И сажусь на камне,
Где в дали туманной
Вижу белый парус,
Вижу, как темнеет
Полоса зари...

И знакомой грустью
Сердце наполняет
Мне эта картина:
Кажется, что снова
По степи родимой
Едем мы проселком,
И закат далекий
Долго-долго светит
Над стемневшим морем
Зреющих хлебов...

II

...Светает... Над морем, под пологом туч,
Лазурное утро светлеет;
Вершины байдарских причудливых круч
Неясно и мягко синеют.
Как зеркало - море... Не плещет прибой...
Под легкой фатою тумана
В ущельях, где сумрак теснится ночной,
Еще и прохладно, и рано...
Но с каждой минутой в рассветных лучах
Яснеют и берег и море...
Как чудны здесь, в этих зеленых горах,
Весенние свежие зори!..¹⁰

III

Далеко на море
Догорает вечер...
Потемнело небо,
Потемнели волны...
Только на закате
Светит тихим светом
Полоса зари...
Грустно мне, родная,
Отчего-то стало
В этот темный вечер.
Посмотри на берег:
Ночь уж наступает;
В темноте огнями
Отражаясь в бухте
Город весь горит...

просторными извозчичьими колясками, с караимской и греческой толпой на улицах, осененных светлой зеленью южной акации, с великолепными табачными магазинами, с памятником сутулому Нахимову³ на площади возле лестницы, ведущей к Графской пристани, к зеленой воде со стоящими на ней броненосцами. Только там, за этой зеленой водой, было нечто отцовское - то, что называлось Северной стороной, Братской могилой; и только оттуда веяло на меня грустью и прелестью прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто чего-то моего собственного, тоже всеми забытого...

Как следует из письма к родным, в первый же день он «часа в три дня нанял парусную лодку», на которой совершил с рыбаками прогулку по бухте в открытое море. Волны «прозрачные, совершенно изумрудные» привели его в восторг. Что же он делал еще в этот день? Вероятно, поднялся на Малахов курган, «где как будто навеки осталась молодая отцовская жизнь». Не мог он не сходить к Четвертому бастиону уже хотя бы ради Л.Н.Толстого, к которому с детства было трепетное отношение:

Отец (в молодости участвовавший, как и Толстой, в обороне Севастополя) говорил:

— Я его немного знал. Во время севастопольской кампании встречал.

И я смотрел на него во все глаза: живого Толстого видел! В ранней молодости я был совершенно влюблен в него...

("Освобождение Толстого")⁴

Вечер же он провел на Приморском бульваре, о чем и сообщает родным: «Слушал музыку, смотрел на закат солнца, — выбрал на самом берегу на возвышенности скамеечку и

одиноко сидел, глядя в даль, до тех пор, пока не стемнело. Потом воротился в свой номер и... загрустил немного» (в «Жизни Арсеньева», вспоминая эту ночь, он напишет, что ночевал «в грошовой гостинице на окраине»; вероятно, это сохранившееся здание слева от начала дороги по Лабораторной балке). В конце письма он сообщает: «Завтра отправляюсь к Байдарским воротам, а потом в Ялту». Однако, судя по всему, до Ялты в этот раз он не добрался.

Согласно следующему письму к родным (14-15 апреля) на следующий день он действительно отправился в сторону Ялты. Ехал «на перекладных» через Балаклаву. «Горы, всё неприступнее и выше, леса по ним гуще и живописнее», поначалу подавили его своей дикостью:

Как странен был этот нагой горный мир! Белое шоссе без конца, голые серые ковриги близких и дальних вершин, одна за другой уходящие и куда-то томительно зовущие своими сиреневыми и пепельными горами, знойным и томительным сном своим...

(«Жизнь Арсеньева»)

Тем больше поразила его Байдарская долина в лучшую свою пору: «Долина вся кругом в горах, вся в садах... словом, роскошь» (из письма к родным). На Байдарский перевал он прибывает уже к вечеру. Свои впечатления от встречи с этим удивительным местом он описывает в письме ярко и образно, предвосхищая прекрасные страницы своей прозы:

Я слез на станции и спокойно пошел к воротам. Но едва я вышел из ворот, как отскочил назад и замер от невольного ужаса: море поразило меня опять. Под самыми воротами - страшный обрыв... Поглядишь вниз - холод по коже продирает, но все-таки красиво. Справа и слева ворот уходят в небо скалы, шумят деревья, высоко, высоко кружатся орлы и горные коршуны.

Ив. БУНИН

КРЫМ. Отрывки из дневника. 1889

БАЙДАРСКАЯ ДОЛИНА⁸

Вся долина в зеленых садах,
Вся долина полна ароматом,
По горам, на цветущих холмах,
Кипарисы толпятся по скатам⁹.

Тонут горные кручи кругом
В голубом, чуть заметном тумане;
Дышит утро весенним теплом,
Легче тучек прозрачные ткани.

Но манят очарованный взор
Еще больше крутые стремнины,
Где долина сокрылась меж гор
И нависли утесов вершины.

Там прибой свою песню поет,
Вольный ветер свежей на просторе,
Там свободное, гордое море
Ходит весело взад и вперед.

Почему же И.Бунин не включал эти стихи потом в свои сочинения? Почему и ныне их не включают в Собрания его стихов? Известно, что Бунин вообще был против публикаций ранних произведений (не только своих). Даже спустя двадцать лет, готовя в Париже издание своих произведений, он пенял Марксу за включение в уже упомянутое собрание 1915 года нескольких его ранних стихов. Крымские же стихи 1889 года, предельно искренние, какие-то наивно-распахнутые, вероятно, уже вскоре показались ему недостойными его. Но нам они дороги именно этой своей открытостью, незащищенностью, помогающей спустя 110 лет как бы проникнуть в молодость Бунина, в состояние его души в первой крымской поездке. Вспомним к тому же, как запечатлелось в памяти уже зрелого мастера его душевное волнение, какое он испытал, когда нес домой свою первую стихотворную публикацию, о чем он так выразительно поведал нам в «Жизни Арсеньева».

Можно думать, что выход первой книги стихов тоже был для него очень знаменательным событием. И еще - третье из них («Далеко на море / Догорает вечер...») - самое севастопольское во всей обширной крымской лирике поэта. Здесь город конкретно узнаваем. На севастопольские бульвары (Мичманский и недавно разбитый на месте Николаевской батареи ныне знаменитый Приморский) лучше всего приходит именно вечером, чтобы смотреть как «...на закате / Светит тихим светом / Полоса зари» и «В темноте огнями / Отражаясь в бухте / Город весь горит...».

Ниже приводится цикл «Крым. Отрывки из дневника» по его первой и единственной полной публикации 1891 года.

Где-то здесь родилось стихотворение, единственное «крымское» 1889 года, помещаемое ныне в собрания его стихов. Более сорока лет хранил он его в рукописи, опубликовав лишь в 1935 году в Париже в газете «Русский голос»:

*На поднебесном утесе, где бури
Свищут в слепящей лазури, -
Дикий, зловонный орлиный приют.
Пью, как студеную воду,
Горную бурю, свободу,
Вечность, летящую тут.*

Однако надо думать о ночлеге, тем более, что еще под вечер с моря дул «свежий, прохладный ветер». Эта завораживающая, необыкновенная, хотя и трудная ночь останется с ним навсегда:

*У Байдарских ворот я ночевал на крыльце почтовой
станции. Смотритель не пустил меня в комнаты, узнав,
что лошадей я брать не буду. За воротами, в
бесконечной темной пропасти, всю ночь шумело море -
довременно, дремотно, с непонятным, угрожающим
величием. Я выходил иногда под ворота: край земли и
кромешная тьма, крепко дует пахучим туманом и
холодом волн, шум то стихает, то растет, поднимается,
как шум дикого бора. Бездна и ночь, что-то слепое и
беспокойное, как-то утробно и тяжело живущее,
враждебное и бессмысленное.*

(«Жизнь Арсеньева»)

А теперь зададимся вопросом: мог ли Иван Бунин, который в те годы считал, что его призвание - поэзия, который уже вкусил радость публикации своих стихов, тогда же не отразить в них свои впечатления, если они были столь сильны, что сопровождали его всю жизнь? Не мог. Тогда где же они? В сборнике бунинских стихов «Под открытым небом»⁵

обнаружилось стихотворение «В Крыму». Еще одна зацепка - в антологии «Крым в русской поэзии»⁶, где напечатано стихотворение Бунина с подзаголовком «из крымского дневника». Оно же, без заглавия, вошло в Собрание сочинений И.Бунина, выпущенного Марксом в Петербурге в 1915 году. Всё стало на свои места, когда в руках оказалась самая первая книжечка стихов молодого поэта, которая была издана в Орле в 1891 году редакцией газеты «Орловский вестник», где поэт тогда сотрудничал, и которая называлась «Стихотворения 1887-1891 годов». В ней (тоненькой, в бумажном переплете) оказались пять крымских стихотворений 1889 года. Четыре составляют цикл: «Крым. Отрывки из дневника», пятое, имеющее авторскую пометку «Южный берег Крыма, весна 1889», называется «На юге». Обратимся для начала к последнему, состоящему из нескольких фрагментов, представляющих как бы конспект лирического дневника. Вот начало пути:

*Не с сожаленьем, не с тоской
Я кинул наши косогоры;
Я жил заранее душой
Там, где поет морской прибой...
Где утонули в роцах горы...*

Вот первая встреча с морем у Севастополя:

*Когда увидел я за далью голубую,
Как синяя волна катится за волною,
Я позабыл совсем родимые поля;
Пахнуло на меня благословенным югом
И ароматом роцц, и свежестью морской,
И улыбнулся я над грустью и недугом
Пред этой новою и свежей красотой...*

Он покорен "зелеными долинами, тополями" первого дня пути по крымской земле:

*В первый день в каком-то радостном весельи
Уходил я в роцци, в горные ущелья,
В даль глядел с Байдарских каменных ворот;
Необъятной ширью море расстилалось,
Необычной волей сердце наполнялось,
Чувствуя, как воздух широко плывет.*

И совсем другое, неуютное настроение охватило его утром, после бессонной ночи:

*Но когда под утро саваном широким
Лег туман над морем, - страшно одиноким
Я вернулся в город... Вспомнился опять
Дальний сельский хутор... Близкое, родное
Снова с тихой грустью встало предо мною,
И не мог я этой грусти удержать...*

Итак, в первый свой приезд в Крым Бунин побывал лишь в черте нынешнего «Большого Севастополя». Об этом свидетельствует уже упомянутое второе письмо к родным, где он рассказывает, что отправился в обратный путь пешком, перекусив в Байдарах яйцами и вином. Спустя четверть века, он напишет в «Автобиографической записке»: «Побывал в Крыму... и нашел, что ходить верст по сорок в сутки, загорать от солнца и от морского ветра и быть очень легким от голода и молодости - превосходно». Однако в тот день, 15 апреля 1889 года, 38 верст от перевала до Севастополя он не одолел: полдневная жара так его утомила, что на почтовой станции⁷ он «нанял обратного ямщика и за тридцать копеек доехал до Севастополя» (Письмо к родным). Здесь он, видимо, прожил еще два-три дня и, как и в самый первый день, приходил вечерами на Приморский бульвар прощаться с солнцем. Об этом - третье стихотворение вышеупомянутого цикла, отрывок из которого вошел в антологию Маркевича и издание Маркса.